

古埃及象形文字

古埃及象形文字

Пьер Монте

ЭПОХА РАМСЕСОВ

БЫТ, РЕЛИГИЯ,
КУЛЬТУРА

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Пьер Монте

**Эпоха Рамсесов. Быт,
религия, культура**

«Центрполиграф»

Монте П.

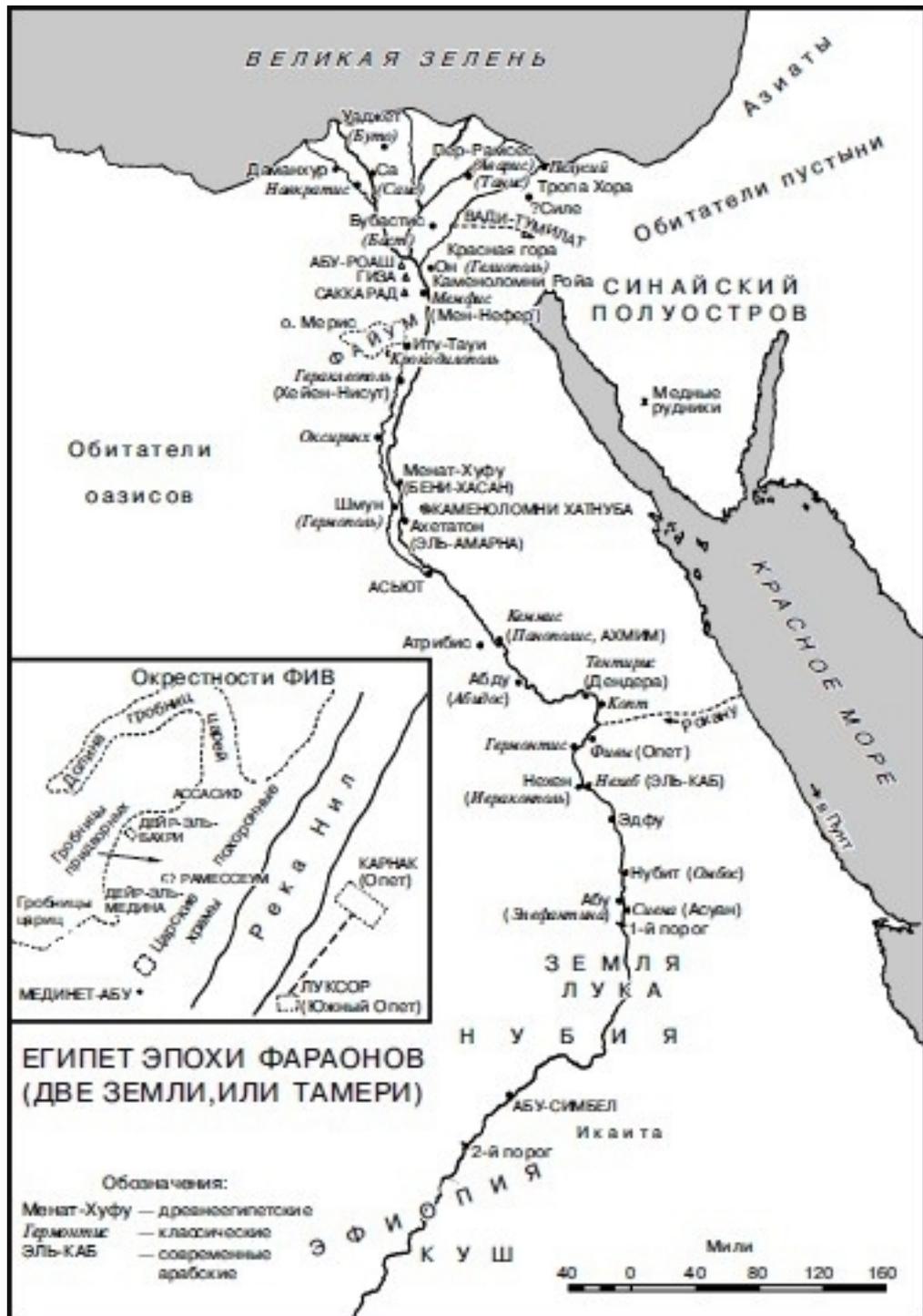
Эпоха Рамсесов. Быт, религия, культура / П. Монте —
«Центрполиграф»,

В книге дана полная картина эпохи правления фараонов из династии Рамсесидов, строителей храмовых комплексов в Карнаке и Луксоре. Египтолог Пьер Монте в точности до мельчайших подробностей восстановил быт жителей одной из величайших мировых цивилизаций. Реконструкция мировоззрения древних египтян позволяет нам ощутить атмосферу, исчезнувшую более трех тысяч лет назад.

Содержание

Введение	6
Глава I	11
1. Города	11
2. Дворцы	17
3. Дома	19
4. Внутренняя обстановка	23
Глава II	26
1. Времена года	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пьер Монте Эпоха Рамсесов. Быт, религия, культура

Введение

Древние египтяне больше заботились о своих богах и мертвецах, чем о своем благополучии. Принимаясь за строительство нового храма – Дома миллионов лет, или гробницы – «дома вечности» в пустыне к западу от Фив, они, не считаясь с расходами и трудностями, привозили драгоценный камень, металлы или дерево, полагая, что эти сооружения должны быть самыми красивыми на свете. Большинство древних египтян жили в простых домах, сложенных из необожженного кирпича, и пользовались простой глиняной утварью. Поэтому храмы и гробницы просуществовали гораздо дольше, чем города, и сегодня в музеях выставлено множество саркофагов и стел, статуй богов и царей, но не бытовых предметов; многочисленные религиозные и мистические тексты, вроде Книги Мертвых, чего нельзя сказать о жизнеописаниях и беллетристике. В связи с этим попытка описать повседневную жизнь простого египтянина времен фараонов, похоже, обречена на неудачу, поскольку все, чем мы располагаем, – это поверхностные наблюдения и наивные суждения греческих и римских путешественников. Современный человек считает, что египтянин чуть ли не родился мумией. Гастон Масперо, который первым перевел любовные песни, писал, что древнего египтянина невозможно представить стоящим на коленях перед возлюбленной. На самом же деле египтяне вовсе не были ни излишне мрачны, ни излишне серьезны. Душу их наполняла благодарность к богам за то, что жизнь на берегах Нила так прекрасна; именно природная восторженность и любовь к жизни заставляли их посвящать так много времени попыткам обеспечить себе все возможные блага после смерти. Они полагали, что добьются этого, если стены гробницы будут покрыты росписями и рельефами, изображающими покойного живым и здоровым в его земных владениях, с женой и детьми, с родственниками и слугами, с толпами ремесленников и земледельцев. Вот он обходит земли пешком, вот его несут в паланкине, а вот он плывет в ладье. Он может просто сидеть в кресле и наслаждаться зрелищем кипящей вокруг него жизни, а может и активно участвовать в ней: садиться в лодку, подстергать птиц, спрятавшихся в зарослях папируса, гарпунить рыб величиной почти с человека, ловить диких уток, охотиться с луком на газелей и сернобыков. Все его близкие присутствуют при его утреннем туалете: кто-то делает ему маникюр, кто-то – педикюр, управляющий представляет отчет, стражники бесцеремонно волокут к нему нерадивых слуг, музыканты и танцовщицы улаживают его зрение и слух. В жаркие часы дня он охотно играет со своей женой в игры, чем-то напоминающие наши шахматы или шашки.

Художник, для того чтобы угодить ему, должен был найти на стене место и там изобразить все существующие профессии. Те, кто жил в приречных болотах, занимались главным образом охотой и рыбной ловлей. Папирус использовали не только для постройки хижин, но и легких лодок и челноков, очень удобных для преследования в водяных зарослях крокодилов и гиппопотамов, для выслеживания птичьих гнездовищ и разведки рыбных затонов. Прежде чем отправиться на охоту, лодки испытывали, и это служило поводом для охотников посостязаться в силе и ловкости. Соревнующиеся надевали венки и, вооружившись длинными баграми, громко переругиваясь, старались сбросить друг друга в воду. Затем, уже примирившись, они возвращались в деревню, жители которой занимались починкой сетей и прочего снаряжения, вялением рыбы и разведением птицы. Земледельцы сеют и пахут, теребят лен, жнут и вяжут снопы, которые ослы перевозят в деревню. Здесь снопы раскладывают на гумне, где ослы и быки, а иногда и бараны выбивают из них зерно копытами. Затем солому отделяют от зерна. Пока одни возводят скирды, другие меряют зерно и относят его в амбар. Едва заканчиваются эти работы, как созревает виноград, его собирают, давят и наполняют вином огромные сосуды. В любое время года мельники мелют зерно, поставляя муку пекарям и пивоварам.

В мастерских мы видим ремесленников за обработкой глины, камня, дерева и металла. Поскольку дерево в Египте – редкость, орудия производства, нужные земледельцам, виногра-

дарям, пекарям и поварам, изготавливали из обожженной глины. Кроме того, использовали еще гранит, алебастр, сланец и кость. Небольшие сосуды вытачивали иногда из горного хрусталя.

Египтяне очень любили украшения. Ювелирные мастера поставляли им ожерелья, браслеты, кольца, диадемы, подвески и амулеты. Их хранили в ларцах. В особых случаях девушки вынимали эти украшения из своих тайников и надевали их.

Скульпторы изображали хозяев гробниц в стоячем или сидячем положении, одного или в окружении семьи, используя для этого алебастр, гранит, черное дерево или акацию. И наконец, плотники-корабелы распиливали и обтесывали стволы деревьев для постройки лодок, барж и кораблей, на которых можно было плавать по всему египетскому Нилу, делать запасы зерна, отправляться в паломничество к святыням Абидоса, Пе или Депа. Об изображениях в гробнице можно сказать словами героя истории о моряке, потерпевшем кораблекрушение и выброшенном на остров доброго змея: «Нет такого, чего бы там не было...» На изображениях в гробницах не хватает лишь одного: хотя бы намек на то, чем именно занимался сам ее хозяин при жизни. Будь то усыпальница воина или придворного, цирюльника или врача, архитектора или визиря – повсюду изображены одни и те же сцены. Их может быть больше или меньше, но иероглифические надписи, обрамляющие эти сцены или заполняющие пространство между персонажами, объясняют почти одинаковыми терминами их действия и воспроизводят одинаковые диалоги: всюду одни и те же слова, одни и те же песни. Изображения и тексты восходят к одному и тому же источнику. Таким образом, художники, украшавшие гробницы, имели перед глазами, так сказать, классический образец. Каждый выбирал из него что хотел и располагал по своему вкусу. Этот образец, по-видимому, появился в начале Четвертой династии. На протяжении всей эпохи Раннего царства его постоянно обогащали художники, явно не лишённые фантазии и юмора: прохожий, воспользовавшись отсутствием пастуха, доит его корову; ловкая обезьянка опережает слугу, который тянет руку к корзине, полной фруктов; бегемотиха вот-вот родит, а крокодил терпеливо ждет, чтобы сразу проглотить детеныша; маленький мальчик протягивает отцу, чтобы тот обвязал челнок, веревочку... длиной с ладонь. Этот список несложно продолжить. Но следует иметь в виду, что художники никогда не упускали из виду главной цели: изобразить жизнь большого поместья.

Изображения такого рода во все времена строились на одних и тех же принципах. Основные темы его мы находим в гробницах Среднего царства в Бени-Хасане, Меире, Эль-Берше, Фивах и Асуане. Несколько веков спустя, когда резиденцией фараонов стали Фивы, в гробницах изображали те же самые сцены. И в начале эпохи Птолемеев художник не меняет тему изображений. Мы их видим в элегантной гробнице наподобие храма, где погребен знатный сановник города восьми богов (Гермополь) Петосирис, который при жизни носил титул «великий пятерик» (т. е. верховный жрец Тота и других богов). И тем не менее эти гробницы нельзя считать неизменным и скучным повторением образов, созданных и доведенных до совершенства в эпоху великих пирамид. В Бени-Хасане гораздо больше, чем прежде, изображений игр, борьбы, сражений, да и пустыни тоже. Воины нома упражняются, осаждают крепости. Первый шаг сделан. К сценам классического репертуара примешиваются изображения событий из личной жизни усопшего. Кочевники из Аравии предстали перед правителем нома Орикса с просьбой обменять зеленый порошок (толченый малахит), которым подводили глаза, на зерно и в знак своих добрых намерений принесли в дар пойманную в пустыне газель и каменного барана. Эта аудиенция изображена в гробнице Хномхотепа между сценами охоты и прогона стад. Правителю нома Харе не довелось принимать посланцев из далеких стран, поэтому он заказал скульпторам из алебастровой каменоломни Хатнуб, находившейся поблизости от его резиденции, свою статую высотой в тринадцать локтей. Когда статуя была готова, ее вынесли из мастерской и положили на волокушу. Сотни людей, молодых и старых, уцепившись за четыре каната, медленно потащили статую к храму по каменистой, узкой дороге, по обе стороны которой стоял народ и подбадривал их возгласами и ритмичным хлопаньем в ладоши. В гробницах

Раннего царства встречаются сцены перевозки статуй усопших, но эти статуи делали в натуральную величину специально для гробницы. Для их перевозки не было никакой необходимости мобилизовать всех мужчин нома. Это было лишь эпизодом погребального культа, однако Тахутихотеп выбрал его, чтобы поразить всех, кто увидит его гробницу, ибо такое событие было поистине исключительным и свидетельствовало о его богатстве и высоком положении при дворе.

В период Нового царства сюжеты росписей в гробницах можно разделить на три категории. Прежде всего это сцены из гробниц Раннего царства, но приспособленные под современность, поскольку за тысячу лет многое изменилось. Затем исторические сцены. Например, визирь Рехмира, верховный жрец Амона Менхеперра и наместник Куша (современный Судан) царевич Хеви участвовали в великих исторических событиях. Они представляли фараону иноземных посланников с Крита, из Сирии, Нубии, которые выражали желание «быть на воде царя» (т. е. считаться его подданными) или «даровать дыхание жизни» (помиловать). Эти сановники собирали налоги, творили суд, наблюдали за работами, обучали новобранцев. Раньше в гробнице высекали рассказ о жизни усопшего, теперь же все его деяния изображались в сценах. И наконец, многочисленные изображения посвящаются почитанию богов. Намного больше места отводится погребальной церемонии. Мы видим все этапы: изготовление огромного количества погребальной мебели, торжественное шествие, переправу через Нил, внос саркофага в гробницу, горестные позы плакальщиц, последние прощания.

Храмы тоже являются огромными каменными книгами, в которых любой кусочек свободного пространства был использован художниками и скульпторами. Архитравы, колонны, их основания, пилоны, не говоря уже о стенах внутри и снаружи, – все покрыто изображениями и иероглифами. В наиболее сохранившихся храмах Нового царства изображения и тексты относятся только к культу. Если храм и считался домом бога, он одновременно был и памятником во славу фараона. Фараон – сын бога. Все, что он делал, делалось по воле бога и зачастую с его помощью. Напомнить о деяниях царствовавшего фараона – значит еще раз восславить богов. Поэтому сцены из жизни фараона чередуются в гробницах с религиозными сценами. Прежде всего художники старались напомнить о том, что сделал фараон для украшения храма, и о его богоугодных деяниях, таких, как экспедиция в страну благовоний, войны с Сирией, Ливией и Нубией, откуда царские войска возвратились с богатой добычей и множеством пленников, ставших рабами храма. Царская охота и торжественные выходы живого бога, окруженного восторженными толпами, завершают эти сцены, интересные вдвойне благодаря объяснительным текстам, передающим речи, приказы и песнопения.

Поэтому попытка описать быт древнего египтянина вполне реальна, хотя, разумеется, определенные его аспекты останутся скрыты от нас. Древние памятники сохранили нам рельефы и настенные росписи, статуи и стелы, саркофаги и культовые предметы, что уже немало. Но мы находим там же и другие свидетельства. Разумеется, мы бы предпочли вместо погребальной мебели Тутанхамона или Псусеннеса увидеть подлинную мебель из дворцов Рамсесов. Но в конечном счете потребности усопшего были скопированы с потребностей живого фараона. К тому же набожные родственники часто оставляли в гробницах те вещи, которыми усопший пользовался при жизни, а также памятные семейные реликвии.

Естественно, использовать материалы, охватывающие более трех тысяч лет, следует с предельной осторожностью. Жизнь менялась, хотя в Древнем Египте перемены, возможно, происходили гораздо медленнее, чем в других, более поздних цивилизациях. Нил, приносящий жизнь в свою долину, был и остается царственным владыкой. Его повеления неизменны. Однако нравы, учреждения, ремесла и верования не оставались неизменными. Эта истина, неоспоримая для любого египтолога, на практике частенько забывается. В некоторых недавно напечатанных исследовательских трудах тексты самых различных эпох цитируются вперемежку. Иногда пытаются объяснить непонятные места в древних текстах ссылками на

Диодора или Плутарха, а то и вовсе на Ямблиха. Многие ученые продолжают использовать названия месяцев года, которые вошли в употребление в Саисскую эпоху. И так создается легенда, будто Египет оставался неизменным и одинаковым с начала и до конца его бесконечной истории.

Чтобы избежать этой ошибки, мне нужно было прежде всего выбрать определенную эпоху. Первым делом я отбросил два переходных периода, долгий период упадка, последовавший за войной с нечистыми, и саисское возрождение, когда египтяне слишком увлеклись мумификацией животных и переписыванием заклинаний, а также эпоху Птолемеев, которой занимаются не только египтологи. Затем я последовательно изучил период великих пирамид, эпоху Лабиринта (Двенадцатая династия), славные периоды царствования Тутмоса и Аменхотепов, промежуточный период культа солнечного диска с лучами в виде человеческих рук и эпоху Девятнадцатой династии (когда жил Рамсес Великий). Все эти периоды по-своему привлекательны. Раннее царство было молодостью Египта. Именно тогда было создано все великое и прекрасное, прославившее эту страну. И все же я выбрал эпоху фараонов Сети I и Рамсесов. Этот период относительно короток. Он начинается около 1320 г. до н. э. с приходом к власти новой династии. Египтяне считали, что теперь царская семья с многочисленными детьми положит конец борьбе за трон и принесет много перемен. До сих пор владыки обеих земель (Верхнего и Нижнего Египта) происходили из Мемфиса или из Фив, где они создали могущественные номы Среднего Египта между Коптосом и Фаюмом. Впервые трон Хора заняли представители Дельты, чьи предки четыреста с лишним лет поклонялись богу с довольно скверной репутацией – Сету, который убил своего брата Осириса. Эта эпоха окончилась приблизительно в 1100 г. до н. э. короткой эрой «повторения рождений», когда Египет окончательно распрощался с наследниками Рамсесов и с их богом. Эти два столетия прославились царствованием трех великолепных фараонов – Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III. Новые повелители после жестокого кризиса в конце Восемнадцатой династии принесли стране религиозный мир, который заколебался лишь с приближением 1100 г. Войска этих фараонов одерживали блистательные победы. Они вмешивались гораздо активнее, чем прежде, в жизнь соседних народов. Многие египтяне жили тогда за границей. И еще больше иноземцев селилось в Египте. Рамсесы были великими строителями. Фиванские владыки Восемнадцатой династии не успели закончить восстановление опустошенных гиксосами районов. Они многое сделали в самих Фивах, но после религиозной реформы Эхнатона пришлось начинать все сначала. Гипостильный зал в Карнаке, пилон в Луксоре, Рамсесеум в Мединет-Абу с массой больших и малых сооружений в стовратных Фивах – великолепный вклад Рамсеса I и его преемников. Ни один уголок огромной империи не был обойден их вниманием. От Нубии до Пер-Рамсеса и до Пи-тома было основано столько городов! А сколько храмов они расширили, восстановили или отстроили заново!

Эти храмы, дворцы и гробницы, принадлежавшие царям и царицам и – самое важное для нас – богатым вельможам, могут рассказать нам многое. Заполнить пробелы помогут многочисленные папирусы XIII и XII вв. до н. э., в которых мы найдем сказки, повести, сборники писем, списки работ и работников, договоры и соглашения, судебные отчеты и – наиболее драгоценное – политическое завещание Рамсеса III. Я постоянно обращался ко всем этим источникам, когда писал эту книгу. Разумеется, это вовсе не означает, что мы не можем пользоваться материалами, относящимися к более ранним или более поздним периодам. Я, однако, выступаю против современной тенденции рассматривать три тысячи лет истории Египта как единую эпоху и применять ко всему периоду правления фараонов характеристики, установленные лишь для какого-то одного периода. По моему мнению, многие обычаи и верования египтян существенно менялись со временем. Однако, если древнегреческий или древнеримский автор описывает церемонию, на которой он присутствовал, и та же самая церемония изображена на барельефе Раннего царства в Мемфисе, мы вправе предположить, что Рамсесиды проводили

ее точно так же, как их предки и потомки. Таким образом, я использовал все доступные источники, стараясь избежать только одного: фальши в общей картине повседневной жизни Египта во времена Рамсеса Великого и его преемников.

Глава I

МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ

1. Города

Нет ничего удивительного, что сегодня египетские города эпохи правления фараонов представляют собой лишь толщи пыли, обильно усыпанные осколками глиняных изделий и обломками кирпича, поскольку городские стены и дворцы сооружались в те времена из сырового кирпича. Однако в те дни, когда Наполеон привез в Египет своих ученых, им было куда проще составить содержательные доклады об облике отдельных городов, чем современным исследователям. Недавнее прошлое пополнило длительную историю разрушений, начавшуюся в глубокой древности: коренные жители не только активно раскапывают руины и каменные блоки в поисках *себаха* (разложившегося кирпича из ила, который считается ценным удобрением), но, как это ни печально, промышляют и охотой за древностями. Фактически мы можем с уверенностью описать вид только двух городов, и то лишь потому, что просуществовали они относительно недолго. Оба города были основаны по личному распоряжению правившего в то время царя и по монаршему же распоряжению покинуты. Более древний, Хетеп-Сенусерт, был построен в Фаюме Сесострисом II (1900 до н. э.) и просуществовал меньше ста лет. Другой, Ахетатон (в настоящее время Тель-эль-Амарна) служил резиденцией Аменхотепа IV, после того как он отверг культ Амона, и его преемников, до тех пор пока Тутанхамон не вернул царский двор обратно в Фивы. Прежде чем перейти к описанию городов эпохи Рамсесидов, полезно бегло ознакомиться с историей этих двух.

Хетеп-Сенусерт занимал обнесенной стеной участок площадью примерно 380 на 430 ярдов. Главное предназначение города состояло в том, чтобы дать приют большому числу людей на относительно маленьком пространстве. За пределами внешних стен находился храм. Толстая стена делила город на две зоны: район богачей и район бедноты. Последний из конца в конец пересекала центральная дорога шириной около 30 футов, от которой в разные стороны расходились несколько узких улочек. Дома, состоявшие из на удивление крошечных комнат и коридоров, стояли впритык и были обращены входом на улицу. В богатой части города были расположены дворец и дома высших сановников, к которым вели широкие удобные улицы. Дома эти по размерам превышали жилища бедняков почти в пятьдесят раз. Египтяне очень любили сады и парки, однако здесь мы не видим никакой растительности – вся территория города занята домами и улицами. Хиркуф – тот самый, который привез в подарок своему юному царю карлика-танцора из Нубии, – рассказывает, что построил себе дом, выкопал большой пруд и посадил множество деревьев. На стеле времен правления Сесостриса II изображена женщина, занимающаяся садоводством; известно, что Рамсес III был любителем растений и разбил множество садов. Однако Хетеп-Сенусерт явно не принадлежал к городам, где прогулки доставляли жителям большое удовольствие.

Ахетатон, город-резиденция Эхнатона, напротив, был создан для людей, ведущих роскошный образ жизни. Город расположен в огромной полукруглой низменности между горами и Нилом. По всей длине его проходит параллельно реке широкая центральная дорога, которую пересекают несколько более узких улиц. Они ведут к пристаням или в противоположном направлении к некрополю и каменоломням, где добывался алебастр. В центральной части города располагались дворец, храм, разнообразные общественные учреждения, хранилища и амбары. Скромные маленькие домишки стоят здесь бок о бок с большими частными резиденциями, принадлежавшими, по мнению археологов, членам царской семьи.

Под парки и сады отведены огромные территории как внутри города, так и в больших имениях за его пределами. Работники, трудившиеся в некрополе и каменоломнях, содержались в обнесенной высокой стеной деревне. Город был оставлен настолько поспешно, что время не оказало своего разрушительного воздействия на плоды труда его древних обитателей.

Прямо противоположное относится к городам, имеющим длинную историю, а таких большинство. Здесь проследить какую-либо последовательную модель вообще не представляется возможным. Название Мен-Нефер, которое греки переделали в Мемфис, означало «красота [города или бога] длится вечно»; тот же город был известен и как Анх-Тауи («жизнь двух земель»), Хетка-Птах («крепость души бога Птаха») и Нехет («сикомор»). Все эти названия могли применяться для обозначения города в целом, однако изначально каждое из них указывало на одну из его достопримечательностей или особенностей: на царский дворец и примыкающие к нему здания, на храм Птаха, на божеств, покровительствующих городу, или на храм богини Хатхор, которой в Мемфисе поклонялись как владычице сикомора. То же самое относится к Фивам, гомеровскому «граду ста врат», который изначально носил имя Уасет. То же название имел и четвертый ном Верхнего Египта, столицей которого он являлся. В Новом Царстве город стал называться Опет, что переводится как «гарем», «святыня» или «дворец». Так называемая аллея сфинксов соединяла огромную группу памятников (сейчас ее называют в честь деревни Карнак), известную со времен царя Аменхотепа III как «Опет Амона», с луксорским храмом. Каждый Опет окружала кирпичная стена с несколькими гигантскими каменными воротами со створками из ливанской сосны, укрепленными бронзовыми деталями и украшенными золотыми инкрустациями. В случае опасности ворота запирали. В дошедших до нас текстах никогда не упоминается, чтобы ворота были заперты в мирное время, поэтому у нас есть все основания предположить, что проход через них был открыт и днем и ночью.

Внутри находились жилые дома, ремесленные лавки и хранилища, занимавшие большую часть площади между храмом и стенами. Никаких следов их до нас не дошло. Когда-то здесь были разбиты прекрасные сады, в парках паслись стада Амона. На стенах Зала Анналов, воздвигнутого Тутмосом III, сохранились изображения садов, засаженных кустами и деревьями, которые царь привез из Сирии. По обе стороны аллеи сфинксов, соединявшей две окружные стены, а также вдоль берега реки были выстроены дворцы и здания, принадлежавшие высоким сановникам. Каждый царь стремился построить себе собственный дворец, амбиции его приближенных: царей, царевичей, визирей и чиновников – простирались почти так же далеко. Таким образом, в годы правления трех династий город постоянно разрастался, а дома простых обывателей, лачуги бедняков и резиденции богачей, вероятнее всего, оказывались стоящими бок о бок друг с другом, а не занимали отдельные районы, как в Хетеп-Сенусерте.

На западном берегу, напротив Карнака и Луксора, вырос второй город – Тьяме. Он представлял собой несколько гигантских сооружений, окруженных лабиринтом домов и ремесленных мастерских; вокруг каждого из значительных зданий высилась стена, сделанная из сырцового кирпича. Она огораживала участок площадью примерно четверть мили или даже больше. Каждая сторона стены, окружающей храм Аменхотепа III, например, составляла в длину пятьсот пятьдесят ярдов. Толщина этих массивных стен достигала в основании иногда пятидесяти футов, а высота – шестидесяти футов и более. Они скрывали от любопытного взгляда практически все, что находилось в их пределах, кроме разве что пирамидальных вершин обелисков, карнизов пилонов, а также огромных уборов, венчающих головы статуй-колоссов. Почти все эти города сильно пострадали от разрушительного воздействия времени, а также и от рук человека. Сегодня колоссы Мемнона возвышаются среди пустынных полей, а когда-то никто не предполагал, что они останутся в гордом одиночестве. Тогда они служили украшением фасада прекрасного храма, со всех сторон окруженного кирпичными зданиями, под крышами которых ютилось множество людей и хранились самые разнообразные товары. Одни лишь колоссы смогли противостоять разрушительной силе веков, остальное превратилось в развалины. Во

многих других местах статуи разделили общую судьбу, и обломки, когда археологам удастся найти их во время раскопок, превращаются в их руках в пыль. Храм Рамсеса III в Мединет-Абу, известный как Рамсесеум, гробница Сети I – памятники, расположенные в северной части страны, – лишь они да храм царицы Хатшепсут дошли до нас в виде живописных руин. Именно благодаря им, в первую очередь Мединет-Абу, мы можем получить некоторое представление о том, как выглядели эти города в прошлом, когда только были построены. Сойдя с лодки у подножия лестницы из двух маршей, современный посетитель пройдет мимо двух караульных помещений сквозь низкую каменную ограду с бойницами, повторяющую очертания главной городской стены и отделенную от нее окружной дорогой. Главная стена снабжена массивными крепкими воротами, имеющими определенное сходство с сирийскими *мигдалами* (на иврите «башня») и состоящими из двух очень высоких симметричных башен. Башни расположены примерно в двадцати футах одна от другой, а между ними находится караульное сооружение с проходом посередине. Проход был достаточно широк, чтобы через него могла проехать колесница. С внешней стороны стены караульного помещения украшены барельефами, прославляющими власть фараона. Здесь изображены традиционные враги египтян: ливийцы и арабы, негры и нубийцы. Эти воинственные сюжеты могут заставить нашего посетителя почувствовать себя несколько неуютно, однако, зайдя внутрь, он окунется в куда более приветливую атмосферу. Здесь он увидит резное изображение Рамсеса, окруженного его приближенными, который ласково щекочет подбородок пленительной египтянки. Это помещение использовалось в качестве укрытия лишь в случае опасности, обычно же его занимала охрана. Дворец и гарем располагались немного дальше, возле храма.

Пройдя через ворота, наш посетитель окажется в просторном внутреннем дворе, дальний конец которого пересекает еще одна, третья, стена, окружающая храм, дворец и гарем, а также большой комплекс внутренних дворов и строений. Низкие строения лепятся с трех сторон этой стены по обе руки от центральной проезжей дороги. Среди обитателей этого маленького городка, в котором жил царь со своими женами и многочисленными слугами во время своих визитов на левый берег Нила, попадались и жрецы, и светское население.

Рамсес III с фавориткой в гареме (*Ленсий*. Живопись Древнего Египта и Эфиопии, III)

Это описание может относиться не только к крепости Рамсеса, правителя города Он (Гелиополя) во владениях Амона, но и к уже упоминавшемуся Рамсесеуму, а также к еще нескольким десяткам городов на западном берегу Нила. Неприятная на вид внешняя отделка контрастирует в них с изысканностью золоченых дворцов и глинобитных хижин, разбросанных в живописном беспорядке внутри городских стен. Иногда щедрейшие царевичи и

прекраснейшие царевны Египта шествовали по этим узким аллеям и внутренним дворикам, распространяя вокруг себя сияние, а в царских покоях долгим эхом отдавались смех и звуки музыки и песен. Но празднества заканчивались, и вот через массивные ворота уже снова бегут погонщики скота, ведя перед собой свои стада, или, может быть, здесь проходят колонны рабов, взвалив себе на головы или на плечи тяжелые тюки, солдаты, сборщики податей, каменщики и ремесленники – все они шагают среди гомона и пыли, спешат в мастерские, конюшни или на бойню, а в это время ученики и подмастерья торопятся к своим учителям, чтобы снова получить награду за прилежание или побои за нерадивость.

Города Дельты были не менее древними, а памятники их – не менее величественными, чем города Верхнего Египта, и, хотя набеги гиксосов и небрежность правителей Восемнадцатой династии привели их в состояние разрухи, во время правления Рамсесидов они были не просто восстановлены, но разрослись и преобразились. Рамсес II питал особую привязанность к восточному району Дельты, откуда происходил его род. Он любил тамошний умеренный климат, обширные пастбища, водные просторы, виноград, из которого делали вино слаще меда. На открытых всем ветрам лугах, расположенных поблизости от Танисского рукава Нила, был выстроен древний город Хут-Уарет, или Аварис, древний центр культа бога Сета и колыбель искусства Древнего Египта. Поначалу здесь обосновались гиксосы, однако после того как их изгнал из Египта Яхмос, город остался заброшенным. Рамсес II, перебравшийся сюда сразу после того, как отдал последнюю дань уважения своему умершему отцу, немедленно приступил к великому строительству, которое должно было восстановить жизнь и процветание в этой области и превратить древний город в несравненную царскую резиденцию. Здесь, как и в Фивах, храм и другие постройки были окружены огромной кирпичной стеной с четырьмя воротами, через которые проходили дороги и каналы на север и на юг, на запад и на восток. Невзирая на дальнейшее расстояние и на все трудности, из Асуана доставили каменные блоки невероятных размеров, предназначавшиеся для постройки великих святинь и возведения новых стел и обелисков, убранство и отделка которых были доведены до совершенства. Вдоль узких, вымощенных базальтом улиц друг напротив друга стояли сердитые рычащие львы с человеческими головами из черного гранита и сфинксы из розового гранита, а ворота охраняли готовые к прыжку львы. Перед пилонами выросли гигантские фигуры сидящих и стоящих людей, которые вполне могли соперничать с фиванскими колоссами и, пожалуй, даже превосходили колоссов Мемфиса.

Дворец сверкал золотом, лазуритом и бирюзой, вокруг все пестрело цветами. Тенистые дороги пересекали тщательно возделываемые поля. Хранилища ломились от товаров, привезенных морем из Сирии, с островов, а также из страны Пунт, расположенной на побережье Красного моря. Около дворца располагались казармы, в которых жили воины, лучники, возницы и матросы. Многие египтяне приходили сюда специально, чтобы поселиться поближе к «Солнцу». «Счастье жить в землях этих! – восклицает писец Пабаса. – Ни одно желание здесь не останется неисполненным; скромник и гордец здесь едины... Каждый, кто бы ни был он, может излить свои мольбы у ног его». Как и в других больших городах, среди египтян здесь встречались ливийцы и негры; но как до, так и после Великого Исхода азиатов здесь было больше, чем других иноземцев. Город наводняли потомки сынов Иакова и другие кочующие народы, которым позволили поселиться в Египте и не желавшим более покидать его. Жили здесь и пленники из стран Ханаан, Амор и Нахарина (Палестина, Сирия и область Верхнего Евфрата), чьи потомки со временем осядут в городе и будут заниматься сельским хозяйством и ремеслами. Вскоре город оброс новыми большими районами, заполненными хранилищами и жилыми домами, а еще через некоторое время в этих районах появились новые храмы, вышедшие за окружавшей разросшийся город кирпичной стеной. Часть территории города выделили под кладбище, поскольку, в отличие от южных областей, в Дельте не было пустыни, где можно было бы хоронить мертвых. Гробницы для людей и священных животных сооружа-

лись либо прямо за стеной, либо даже внутри города, почти вплотную к храму. Возводить здесь монументы, сопоставимые с мемфисскими памятниками, было невозможно из-за недостатка места, поэтому практически все гробницы Таниса и Атрибиса, независимо от положения тех, кому они принадлежат, имеют весьма скромные размеры.

Рамсес II почти не оставил своим преемникам незаконченных построек, поэтому Рамсес III был занят, главным образом, сохранением и расширением чудесных садов и парков. Вот его слова: «Я сделал так, что все земли плодоносят, я засадил их полезными злаками и деревьями, под сенью которых человек найдет отдых себе». В городе, служившем резиденцией его великому предшественнику, он разбил большой парк, расчистил дорожки для прогулок, посадил виноград и оливу и украсил священную дорогу яркими цветами. В Оне (Гелиополе) царь приказал вычистить священные храмовые озера, по его словам, «...изъял из них всю скверну, накопившуюся там с начала времен», и посадил повсюду прекрасные деревья и кусты. Чтобы подносить богу Атуму отборное вино и другие напитки, он разбил фруктовые сады и оливковую рощу; из оливок, выращенных здесь, получали «наилучшее масло в Египте для воскуривания в священном дворце твоём». Пришедший в полный упадок храм Гора при Рамсесе III заслужил славу святилища, превосходящего все прочие храмы. «Я сделал так, что священная роща, возросшая в стенах его, цветет. Я могу сделать так, что папирус будет расти здесь, словно в болотах Ахбита [где юношей жил Гор]. Долгое время царило здесь запустение. Я сделал так, что священная роща храма твоего зацвела вновь. Я восстановил ее, поверженную, как ей следует быть. Я поставил людей следить за ней, чтобы давала глоток вина тонкого, чтобы поднести тебе».

В работе его удивительным образом смешалась практичность и стремление создать произведение искусства. Геродот считал, что храм в Бубасте, расположенный под сенью гигантских деревьев, – самое великолепное зрелище во всем Египте. Нет никаких сомнений, что путешественник, посетивший страну в XII в. до н. э., испытал бы не меньшее восхищение, окажись он в любом из крупных египетских городов, где мрачность массивных кирпичных стен соседствовала с живостью зеленой листвы. Обитатели этих городов могли наслаждаться прохладой в тени высоких деревьев, растущих на берегах притоков Нила; во внутренних дворах храмов цветы подчеркивали впечатление, производимое на посетителя скульптурами.

Как люди, так и животные и растения нуждались в обильных запасах воды. Брать воду из канала за пределами города, даже если он находился совсем недалеко от главных ворот, как в Мединет-Абу или Пер-Рамсесе, считалось подобающим, поэтому в большинстве городов имелись каменные водохранилища. Пользуясь специальными лестницами в них, можно было брать из них воду в любое время года независимо от ее уровня. Некоторые факты указывают, что в городских районах и частных поместьях, начиная, по крайней мере, с периода Нового царства, существовали колодцы. В Пер-Рамсесе их было не менее четырех; все сделаны из камня, и наименьший из них – с западной стороны храма – имеет в диаметре около десяти футов. Внутри вела лестница с двадцатью тремя ступеньками и переходившая уже на уровне воды в винтовую лестницу с дюжиной ступенек. Самый большой из четырех колодцев был расположен к югу от храма. Диаметр его – шестнадцать футов; спуститься к воде можно было по лестнице с сорока четырьмя ступеньками и разделенной на два пролета горизонтальной площадкой. Даже когда уровень воды доходил лишь до нижней отметки, чтобы наполнить кувшин, достаточно было спуститься до самого низа по винтовой лестнице, оканчивавшейся длинной кольцеобразной ступенькой. В других случаях воду переливали в резервуар, набирая ее из колодца с помощью *шадуфа* (бадьи, прикрепленной к шести или к веревке и поднимаемой специальным приспособлением типа «журавля»), а оттуда по каменным трубам переправляли ее в другой резервуар, находившийся внутри храма. В восточной части города нам удалось найти несколько водопроводных систем, проходящих глубоко под землей. Состояли они из разнообразных керамических труб: самые большие были сделаны из глиняных сосудов без

дна, вставленных один в другой и тщательно скрепленных между собой. Проследить весь путь этих систем и установить их начальные и конечные точки пока не представляется возможным. Мы не можем точно определить, в какое время они были построены, и даже не знаем, для чего они использовались: для доставки питьевой воды или же для вывода нечистот. Тем не менее упомянуть об этих системах стоит, поскольку они свидетельствуют о том, как тогдашнее правительство заботилось о благополучии и здоровье своего народа.

Царские и священные районы привлекали к себе обитателей окружающих областей. В беспокойные времена простые смертные пробирались за спасительные стены и отказывались выходить наружу, строили себе дома в парках и садах, тем самым нарушая прекрасный вид, который пытались создать здесь древние зодчие. Они проникали даже на внешние святилища храма, укрывались на их стенах, не обращая никакого внимания ни на ежедневные церемонии и обряды, отправляемые в храме, ни на стражу. Доктор по имени Уджахорресенит, служивший при дворе царя Камбиза (525–522 гг. до н. э.), стеновая от горя, сообщает, что в храме богини Нейт, покровительницы города Саис, поселились чужаки. Имея доступ к царю, он убедил его изгнать преступников и разрушить их дома, чтобы жрецы могли продолжать отправлять необходимые ритуалы и обряды как должно, предварительно очистив храм от скверны (поскольку нарушители были азиатами). Жрец Джедхор из Атрибиса рассказывает, что несколько истово верующих жителей города построили свои глинобитные хижины прямо на крыше гробницы священных соколов. Не будучи вхожим в столь высокие сферы, как саисский доктор, он был вынужден воспользоваться собственным даром убеждения, чтобы разрешить эту проблему. Ему удалось уговорить нарушителей перенести свои лачуги в другое место, которое он специально подыскал для них, отметив, что переезд весьма благоприятно скажется на их здоровье. Новое место находилось в болотистой низине, однако это не могло послужить серьезным препятствием: чтобы укрепить грунт, надо было лишь набросать там большие камни, а уж этого добра в Атрибисе хватало. Таким образом достойные жители города смогли выстроить себе жилище в удобном, чистом и просторном месте, хотя порой, когда уровень воды поднимался, они могли слегка страдать от сырости. Как показали наши раскопки в Танисе, некоторые умудрялись выстроить себе дома прямо во внутренних дворах храмов и на огороженных участках, являвшихся собственностью храмов. Некий Панемерит, который, судя по всему, занимал довольно высокое положение, построил свой дом почти вплотную к пилону храма, чтобы во время священных обрядов его статуи напитывались божественным духом. Панемерит жил позже, чем доктор из Саиса или жрец из Атрибиса, но, как мы еще убедимся в этом, традиции в Египте были живучи. Лично я склонен полагать, что, хотя этот эпизод описан в документах, принадлежащих к относительно позднему периоду, подобного рода случаи бывали и прежде. Пользуясь небрежностью и попустительством властей, обыватели бросали менее удобные районы, чтобы поселиться под укрытием великих стен. Не исключено также, отчасти они надеялись, что здесь, в непосредственной близости от храмов и дворцов, им удастся украсть что-нибудь ценное. Периодически представители власти выпроваживали нарушителей, храмы и дворцы преисполнялись прежнего величия. Во времена, когда на троне восседал Сети I, великий Сесострис или Рамсес III, никто не осмелился бы посягнуть на землю, на которую не имел никаких прав; однако такое вполне могло случиться в правление любого из царей, занимавших престол между Мернептахом и Сетнахтом. А уж в царствование последнего из Рамсесидов в стране происходили вещи куда страшнее.

2. Дворцы

Царский дворец в Пер-Рамсесе вызывал у современников искреннее восхищение, однако до нас, увы, не дошло подробных описаний, по которым мы могли бы составить о нем сколько-нибудь четкое представление, а точное местоположение дворца пока не обнаружено. Больше знаем мы о других царских резиденциях, расположенных в Дельте: останки одной из них, например, были найдены в районе Кантира, небольшой деревеньки в 17 километрах от Пер-Рамсеса. Когда невеста фараона, дочь хеттского правителя, пересекала Малую Азию и Сирию, чтобы соединиться со своим будущим мужем, тот, стремясь показать ей свое благородство и преданность, приказал выстроить в пустыне между Египтом и Финикией великолепный дворец и отправился туда дожидаться прибытия возлюбленной. Отдаленное расположение дворца с лихвой компенсировалось его величественным видом и удобством. Каждая сторона его находилась под покровительством одного из четырех великих богов: Амон охранял дворец с запада, Сет – с юга, Астарт – с востока, а Уаджет – с севера. Двое из этих богов принадлежали к египетскому пантеону, а двое других – к азиатскому, так как Сет к тому времени уже перенял у Баала головной убор и передник, практически полностью утратив сходство с египетскими божествами, – таким образом были удовлетворены религиозные пристрастия обеих сторон. Бога, вестника, визиря и пашу олицетворяли здесь четыре статуи с названиями, составленными по той же схеме, что и человеческие имена: Рамсес Мериамон (да будет Жив, Здоров и Силен!), Монту в двух землях, Солнце принцев, Прелесть Египта. В Западных Фивах у Рамсеса был дворец, имевший выход в главный внутренний двор храма, который он называл своим «домом радости». Сохранившиеся останки этого дворца были внимательнейшим образом изучены специалистами Чикагского института востоковедения. Между колоннами перистилия и на фасаде этого дворца обнаружили барельефы, сюжеты которых должны были отражать несравненную мощь царственного правителя. На одном из барельефов царь повергает своих недругов ударами палицы; на другом – осматривает свои конюшни, украшенные великолепными драгоценностями; на третьем фараон на колеснице в полном боевом облачении готовится отдать приказ своим войскам; на последнем – в компании придворных наблюдает, как его лучшие бойцы демонстрируют свою удаль в борьбе и военном искусстве. В центре фасада, за четырьмя невысокими изящными колоннами в виде стеблей папируса, поддерживающими трехъярусный карниз, был расположен богато украшенный балкон, на который царь обыкновенно выходил, чтобы показаться народу. Нижний ярус карниза был украшен парящим крылатым диском, второй занимал орнамент в виде пальмовых листьев, на верхнем же ярусе были изображены уреи, священные змеи, каждая в венце в виде солнечного диска. Царь выходил на балкон, когда в храмовый двор допускался простой люд, например в день празднеств в честь Амона. Отсюда он раздавал своим подданным дары. Чтобы выйти на балкон, необходимо было пройти через царские покои, состоявшие из анфилады комнат с колоннами: тронного зала, царской спальни и ванной комнаты. Широкий вестибюль отделял эти комнаты от половины царицы, также состоявшей из нескольких больших комнат и ванных комнат. Длинные прямые коридоры позволяли проникнуть в любое помещение дворца, а также могли использоваться и для другой важной цели: оттуда царь мог следить за тем, что происходит в каждой из комнат: наученный горьким опытом, Рамсес III не доверял никому.

Судя по изображениям на небольших эмалированных панелях, найденных в начале XX в., и фрагментам барельефов, обнаруженных американской археологической экспедицией, интерьер тронной залы выглядел довольно скромно. Царь на всех барельефах предстает перед нами в виде сфинкса, стоящего на задних лапах, а рядом иероглифами выведено его полное имя и титулы. Перед ним в оковах шествуют недруги Египта, их богатые одеяния украшены варварским орнаментом. Художник постарался с максимальной достоверностью изобразить их

черты, прически и украшения: мы видим ливийцев с татуировками на теле, негров с кольцами в ушах, сирийцев с болтающимися на шее медальонами и бедуинов (*шасу*) с изящными гребнями в длинных волнистых волосах. Резонно предположить, что покои царя и царицы украшали куда более мирные картины.

Весь дворец занимает сравнительно небольшую площадь: длина боковых стен не превышает ста двадцати футов. Царь, несомненно, никогда не задерживался здесь надолго, поскольку мог жить на другом берегу Нила. Вообще в Дельте у него было много резиденций: в Мемфисе, Оне и Пер-Рамсесе его ожидали роскошные дворцы, а между Оном и Бубастом, в районе, который арабы впоследствии назвали Тель-эль-Яхудиа, царь начал строительство нового здания, от которого до нас дошли лишь эмалированные пластины, подобные найденным в Меди-нет-Абу. Время не пощадило постройки эпохи Рамсесидов, поэтому, чтобы представить, как выглядели дворцы фараона в эпоху Нового царства, нам придется вообразить себе дворец Эхнатона, воздвигнутый несколькими десятилетиями раньше. На полу залы с длинным рядом колонн мы увидим озеро, в котором плещется рыба. На поверхности его покачиваются белые кувшинки. Среди зарослей тростника и папируса на берегу озера снуют птицы. Телята, резвящиеся на густой траве, спугнули дикую утку. Колонны оплетают вьюн и виноградная лоза, а капители и карнизы украшены драгоценными камнями. Взглянув на стены, мы увидим сцены из жизни царской семьи: вот царь сидит в кресле напротив своей супруги Нефертити, отдыхающей на подушке. На коленях царица держит ребенка. Старшая царевна обвила руками шею сестры, младшие дочери царственных супругов играют на полу. Эту картину можно без преувеличения назвать самым восхитительным произведением египетского изобразительного искусства. Озера, заросли папируса, птицы, резвящиеся звери – характерный сюжет живописи этого периода, а в Мединет-Абу мы уже видели царя в окружении очаровательных женщин. Поэтому у нас нет никаких оснований сомневаться, что дворцы фараонов Девятнадцатой и Двадцатой династий были украшены столь же богато и изысканно, как и во времена Эхнатона: расписанные стены и потолки, полы, колонны и карнизы радовали глаз и сердце посетителей живостью красок. Пышные украшения, орнаменты, изысканная драпировка – все это создает ощущение поистине утонченного вкуса.

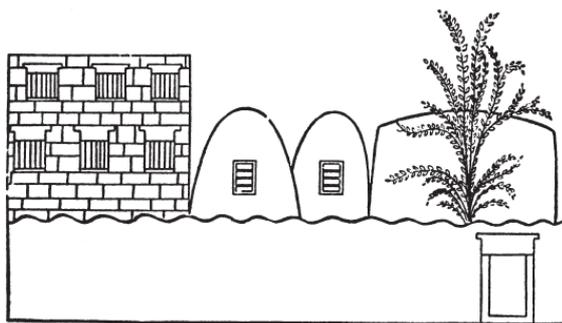
3. Дома

Вельможи старались, чтобы их дома по роскоши и удобству не уступали царским резиденциям. Городские и сельские дома знатных сановников, занимавшие площадь в пол-акра, а то и больше, были, подобно божьим храмам и царским дворцам, окружены высокими и толстыми стенами с большими каменными воротами, а множество дополнительных проходов вели в сад и к надворным постройкам. Именно в такой дом привела своего возлюбленного коварная Тбубуи. Дом Ипуи походил на небольшой храм: на фасаде – выступающий портик с колоннами в виде папируса, эпистиль с карнизом, украшенным в стиле пальметта, главный вход, обрамленный точеным камнем с тем же орнаментом на притолоке. В доме, где царь Эйе обменивался дарами с женой Неферхотепа, имелась открытая терраса с колоннадой и легкой крышей. Края крыши, выступавшие над террасой с обеих сторон, поддерживались высокими стройными колоннами перистиля, окружавшего дом. Чтобы лучше понять, как выглядели такие дома, достаточно посмотреть рельефы, вырезанные на стенах гробниц Ипуи и Неферхотепа, однако, если нам нужно получить какое-то представление об их внутреннем устройстве, придется вновь вернуться к раскопкам в Эль-Амарне. Ступени крыльца вели прямо в вестибюль, за которым находились приемные покои. В дальнем конце располагались комнаты для одевания. В этих комнатах археологи нашли кирпичные сундуки, которые, предположительно, использовались в качестве шкафов для белья и одежды, а также что-то вроде буфетов, где, вероятно, держали еду и напитки. Оставшуюся часть здания занимали личные апартаменты владельца, в том числе купальни и туалеты. В одном углу купальной с облицованными камнем стенами была обнаружена каменная плита, окруженная низенькой кирпичной стенкой. Стоя рядом с ней, слуга поливал своего господина водой, после чего тот переходил в другой угол комнаты, где располагалось специальное ложе для массажа. Побеленный изнутри туалет находился за купальной. Там было сиденье, сделанное из известняка, с отверстием посередине; вся конструкция водружена на кирпичные контейнеры с песком.

Дом и сад Ипуи (*Дейвис*. Две гробницы Рамсесидов в Фивах)

Даже значительно менее роскошные дома были окружены несколькими дворами. В одних стояли лари для хранения зерна, по форме напоминающие огромные ульи. С северной стороны дома располагались конюшни и псарни, а с восточной – кухня, пекарня и кирпичные жилища для слуг. Таким образом, чтобы принести хозяевам еду, нагруженные посудой слуги вынуждены были огибать многочисленные постройки. В основные приемные помещения вели многочисленные дополнительные входы. Лачуги для слуг, как правило, состояли из четырех комнат: прихожей, центральной комнаты с крышей, поддерживаемой колоннами, расположенных сзади кухоньки и спальни. Это скромное жилище зачастую приходилось делить со скотом. В доме имелся выход на крышу. Большие и удобные дома в другом конце двора предназначались для управляющих. Питьевую воду доставали, как правило, из каменного колодца.

Дом с амбарами (Эрман. Жизнь в Древнем Египте)

Дома окружали сады, возделываемые с большой любовью. Пышная виноградная лоза давала спасительную тень, повсюду яркие цветы. Сады были разделены на квадратные или прямоугольные участки ровными тропинками, по обе стороны которых росли деревья. Некому Анни удалось собрать практически полную коллекцию деревьев, произрастающих в долине Нила. Мы находим здесь финиковую пальму, пальму дум, кокосовую пальму, сикомор, фиговое дерево, баланит (*balanytes aegyptica* – дерево, в наше время редко встречающееся в Египте, но широко распространенное в Судане; из его плодов, по форме напоминающих желуди, добывали масло, которое затем использовалось в парфюмерии), китайский финик (по-арабски *небк*), персею, гранат, акацию, тисовое дерево, тамариск, иву и другие не опознанные современными исследователями виды, всего числом восемнадцать. За прочными стенами своего сада Рехмира вырастил все известные в те дни разновидности кустов и деревьев. Под деревьями часто сооружался легкий, но элегантный павильон, в котором хозяин сада обедал и отдыхал в летнее время. То тут, то там виднелись маленькие деревянные хижинки, в которых охлаждали напитки. Для этой цели напиток переливали в большие кувшины – *джирс* (пористые емкости, в которых жидкость охлаждалась за счет испарения) и накрывали сверху листьями. Джирсы ставили около столов и прилавков, на которых слуги аккуратно раскладывали лучшие образцы египетского кулинарного искусства.

В любом саду независимо от его размеров непременно был пруд, обычно квадратной или прямоугольной формы. По всему периметру пруд окружала каменная кладка. Там цвели кувшинки и плавали утки. Спуститься к воде можно было с помощью лестницы, возле которой была привязана лодка.

Египтяне среднего достатка жили, как правило, в домах в несколько этажей с абсолютно гладкими фасадами: без балконов и карнизов; на крышах таких домов иногда стояли корзины с зерном. Дверной проем находился возле одного из углов дома, причем свет проникал на первый этаж только через дверь. На каждом из следующих этажей могло быть два, четыре или даже восемь маленьких квадратных окон со ставнями, защищающими от пыли и жары.

Иногда вместо ставней на окна ставили каменные решетки. В Танисе мы обнаружили каркас каменного окна, высота которого доходила почти до пятнадцати дюймов; еще мы нашли квадратную оконную раму, на которой были вырезаны два картуша царя Мернептаха. В фиванских гробницах мы можем увидеть целый ряд нарисованных домов с горизонтальными полосами на стенах, похожими на схематическое изображение деревянных брусьев или досок. Объяснение этому факту нам удалось отыскать в Танисе: мы обнаружили, что каменщики клали горизонтальные ряды кладки на известняковый раствор, а вертикальные стыки обмазывали илом, поэтому на готовой стене оставались белые полосы.

Помещения на первом этаже, как правило, выделяли для домашних работ. Так, на картине, изображающей дом некоего Тутинефера в Фивах, мы видим женщин, занятых прядением, и мужчин, плетущих корзины; в соседней комнате толкут зерно и пекут хлеб. Хозяйка

дома занимали довольно просторное помещение на втором этаже. Свет сюда проникал через небольшие окошки под потолком. Крыша покоилась на колоннах с капителями в форме лотов. Деревянную дверь, как правило, украшали металлические пластины или изящная резьба. Нам не удалось найти никаких следов настенных украшений, хотя, как известно, египтяне стремились украсить замысловатыми изображениями каждый дюйм свободного пространства. В Танисе я видел дом более позднего периода, к его оштукатуренным стенам были приделаны панели с нарисованными на них танцорами и лодками. Нет никаких сомнений, что это соответствует древним египетским традициям, потому можно смело предположить, что комнаты в домах походили на интерьер фиванских гробниц, где по потолку вьется узор в виде виноградной лозы, а стены испещрены традиционными сценами: охота или путешествие в священный град Осириса.

Потолки на третьем этаже были настолько низкими, что до них можно было достать кончиками пальцев, не вставая на цыпочки. Здесь находилась комната, где хозяин дома совершал свой туалет. Он садился в кресло, а слуги приносили ему кувшин и тазик для умывания, веер и метелку, чтобы отгонять мух. Сюда поднимались писцы и, встав перед ним на колени, зачитывали его корреспонденцию или записывали его указания. По лестнице и в коридорах сновали туда-сюда слуги с кулями, которые они водружали себе на голову, или с сосудами с водой на длинных коромыслах.

Именно так был устроен дом некоего Меху. На первом этаже хранилась разнообразная кухонная утварь, столовая находилась на втором этаже, третий же был завален щитами, оружием и разнообразным военным снаряжением. Поскольку Меху был главой городской охраны, мы склонны полагать, что спал он на третьем этаже, чтобы ночью, если понадобится, иметь под рукой все необходимое для погони за преступником.

Египетские дома имели, как правило, плоскую крышу; выбраться на нее можно было с помощью встроенной или приставной лестницы. Некоторые домовладельцы, например Тутихотеп, строили на крыше специальные лари для хранения зерна, другие сооружали решетчатые парапеты, чтобы уберечь детей от падения или скрыть членов семьи от любопытных взглядов, если им вздумается провести ночь под открытым небом. Небамон и Нахти возвели на крышах своих домов странные, похожие на пирамиды сооружения. Считается, что они служили для вентиляции помещения, однако мы знаем и о домах с островерхими крышами. Мне удалось найти две игрушки из слоновой кости в виде домов с наклонными крышами: передняя и задняя стороны этих крыш имели форму треугольника, а боковые – трапеции. Их обнаружили в гробнице в селении Абу-Роаш близ Каира, и датировались они эпохой правления царя Дена, жившего примерно за два тысячелетия до эпохи Рамсесидов (царь Ден, или Удиму, четвертый фараон Первой династии, приблизительное время правления – 2950-е гг. до н. э.). Для столь раннего периода это удивительно сложная форма крыши; изобретена она могла быть только в сельской местности, где выпадают обильные осадки и где строители имели в своем распоряжении достаточное количество древесины. Но в Египте сильные дожди бывают только на морских побережьях, а в этих районах мы встречали дома лишь с плоскими крышами. Из всего этого можно сделать вывод, что игрушки из Абу-Роаш должны изображать нетипичные для Древнего Египта строения. Во всяком случае, у нас нет никаких свидетельств, что подобный вид дома был распространен в какой-либо области страны в эпоху Рамсесидов.

Даже в Фивах земля ценилась не настолько высоко, и дома стояли не так плотно друг к другу, чтобы их хозяева не могли позволить себе вырастить перед домом или во дворе пару деревьев. В доме Небамона две пальмы проросли сквозь крышу (причем приносили обильный урожай фиников), а дверь его дома скрывалась в тени ветвей сикомора и пальмы. В гробнице № 23 в Фивах есть изображение дома, имеющего форму вытянутого вверх параллелепипеда, который стоит между двумя рядами высоких деревьев. А в гробнице № 254, также в Фивах,

мы нашли рисунок, на котором изображен дом, а рядом с ним три гранатовых дерева в ярко раскрашенных глиняных кадках и две пальмы дум.

Даже относительно бедные египтяне старались обеспечить себе уютную и веселую жизнь в доме, защитить свои жилища от различных вредных насекомых, крыс, ящериц, змей и хищных птиц, которые в избытке обитали в египетских землях. В папирусе Эберса содержатся некоторые весьма ценные советы, как извести вредителей. Так, чтобы избавиться от насекомых, необходимо вымыть дом раствором натра или обмазать его веществом, которое египтяне называли *бебит*, растолченным вместе с древесным углем. Если положить натр, сушеную рыбу, вещество под названием «тилапия нильская» или несколько семян лука в отверстие змеиной норы, змея не станет выползать наружу через него. Жир иволги – прекрасное средство против мух, а рыба икра – против блох. Кошачий жир, если пропитать им мешки, защитит их от крыс. Чтобы уберечь зерно от грызунов, надо сжечь помет газели в амбаре, где оно хранится, или обмазать стены и полы раствором этого вещества. Еще в этом папирусе приводится способ, как защитить домашнюю птицу от соколов: воткнуть ветку акации в землю и, положив сзади лепешку, прочитать над ней следующее заклинание: «Сокол, что грабит в городе и в деревне... Прилети, приготовь и съешь это».

Кроме того, египтяне умели обеззараживать помещения, где хранилась одежда, и устранять в них неприятный запах. Правда, применявшийся для этого метод был доступен вовсе не каждому, поскольку требовалось приготовить снадобье, состоящее из фимиама, терпентинного масла и некоторых других веществ, большинство из них привозили в Египет из других стран. Все это говорит о том, что египтяне стремились поддерживать в своих домах чистоту и свежесть. Вероятно, это вполне естественное желание побудило египетские власти заняться созданием системы вывода грязной воды и хозяйственных отходов из жилых домов, хотя мы и не располагаем документальными свидетельствами, что подобные шаги были предприняты.

4. Внутренняя обстановка

Как в жилых помещениях дворцов, так и в домах богачей основным предметом мебели были разнообразные стулья и кресла. Некоторые из них представляли собой что-то вроде квадратного ящика со спинкой высотой несколько дюймов. Боковые поверхности подобных стульев были инкрустированы бирюзой в обрамлении традиционного орнамента в виде переплетенных побегов. Простота конструкции с лихвой искупалась искусностью мастеров и другими материалами. Куда более элегантной и удобной мебелью были резные кресла с высокими спинками и ножками в форме львиных лап. Однако царю и царице подобало восседать на более величественной мебели: на спинках и подлокотниках их кресел изображали сюжеты, позаимствованные из скульптуры. Изображения могли быть вырезаны по дереву, вытиснены на коже или вычеканены на золоте, серебре или меди и инкрустированы драгоценными камнями. На одних царь изображен в виде грифона или сфинкса, раздирающего когтями азиата или негра; покровительствуют царю-победителю урей, гриф или сокол. Вокруг танцуют и играют на тамбуринах причудливые карлики, вроде тех, которых с величайшей заботой доставляли к царскому двору из страны Пунт и с верхнего Нила. На других царь принимает из рук царицы цветов, дарующий исполнение желаний; царица тем временем застегивает на шею мужа ожерелье. Края сиденья и внешнюю поверхность подлокотников украшают головы львов, соколов или женщин, а между ножек кресла прикреплен большой иероглиф, символизирующий единство Верхнего и Нижнего Египта, который обвивают схематические изображения растений, произрастающих в обеих землях.

Египтяне также пользовались табуретами двух видов: попроще – с прямыми ножками и более замысловатыми – со скрещенными ножками, основания которых были выполнены в форме утиных голов, а поперечные планки оканчивались украшениями в виде голов разных животных. На полу в жилых комнатах раскладывали тростниковые циновки и подушки. Если собравшимся не хватало стульев и кресел, младшие или те, кто пришел позже остальных, рассаживались на подушках или на циновках. Сидящие в креслах иногда подкладывали подушки себе под спину или клали на них ноги.

Если в доме, помимо гостиной, была еще и трапезная, в ней, как правило, стояли стулья и маленькие столики, за которыми могли сидеть гости, а также стойки и большие столы, уставленные корзинами с фруктами, блюдами с мясом и овощами, кувшинами и чашами. Большой мебели в египетских домах не было – египтяне никогда не обедали все вместе за одним большим столом. Гости ели поодиночке или усаживались за маленькие столики парами.

В самые ранние периоды в Египте существовало два вида обеденной посуды: глиняная посуда для ежедневного использования и для торжественных случаев – сделанная из камня, обычно из черного или голубого сланца или алебастра или, реже, из брекчии. Большие кувшины делали из гранита, а миниатюрные кубки – из горного хрусталя. Не только материалы, из которых делали посуду, но и размеры и формы ее могли быть весьма разнообразны: цилиндрические и яйцевидные бокалы, кубки, блюда и чаши, тарелки, горшки, большие кувшины, супницы и огромные вазы. Искусные мастера вырезали на кувшинах узор в виде сетки, в которой было принято носить посуду, придавали сосудам форму лодки или какого-нибудь зверя.

Традиция пользоваться каменной посудой сохранялась – множество предметов было обнаружено в гробницах, относящихся к Новому царству, однако постепенно все большую популярность приобретали золотые и серебряные пластины, использовавшиеся для производства сосудов, предназначенных для религиозных ритуалов, и для изготовления самых разнообразных предметов домашней утвари. Сосуды, по форме напоминающие современные чайники, со специальным ситечком в носике применялись для заваривания горячих напитков; иногда ситечко приходилось держать над чашкой, пока в нее наливали напиток. Из знаменитой чаши

с ручкой в виде козленка из сокровищниц Бубаста, вероятнее всего, пили молоко. Для разных напитков египтяне использовали самые разнообразные сосуды: кубки с круглым дном и выгнутыми краями; кувшины с вогнутым дном, ручкой и носиком; чашки, прикрепленные к длинной ручке на манер современных ковшей для разливания молока. Плоские миски и рифленые блюда прекрасно подходили для того, чтобы подавать сладости и лепешки. Отправляясь в очередной поход, Рамсес III всегда приказывал своему подчиненному, выполнявшему функции ординарца, брать с собой флягу и золотую чашу с ручками, вмещавшую чуть больше пяти пинт жидкости. Те, кто не мог позволить себе подобную роскошь, обходились глиняной посудой. В отдельные периоды работа гончаров пользовалась огромным спросом: тогда было произведено множество самых разнообразных глиняных предметов домашней утвари, обладающих прекрасными качествами и изящно украшенных цветочным или геометрическим орнаментом. Иногда на вазах изображались какие-нибудь яркие картины, например, птица, поедающая рыбу, или несущийся вперед зверь, – похожие сюжеты были обнаружены и на металлических сосудах более поздней эпохи.

С начала Нового царства в Египте появляются такие предметы роскоши, как салатницы, кувшины для вина и подставки для сосудов из ценных металлов или дорогого камня, изготовленные мастерами из других стран: с островов, из Сирии или Нубии. Большой практической ценностью эти изделия не обладали, однако многим египтянам нравилось их коллекционировать; многие пытались собрать как можно больше кувшинов с изображениями вымышленных или реальных животных или растений. Большая часть подобных изделий оседала в храмах, однако самые ценные экземпляры фараон выбирал для себя. Пристрастие к подобным экзотическим сувенирам постепенно завладело широкими слоями населения, и вскоре египетские мастера научились производить похожий товар. В обязанности царевича Кенамона, казначея, отвечавшего за организацию торжеств, входило подношение царю даров на празднество в честь Нового года. В его гробнице изображены все изделия, изготовленные царскими мастерами специально для этой цели. На одном из таких даров мы видим, например, несколько пальм дум и сирийских пальм сабаль, между ними кувшинки и маргаритки; по ветвям деревьев, пытаясь добраться до плодов, карабкаются обезьяны. Другие сценки нам уже знакомы: статуи из черного дерева, изображающие царя и царицу с различными атрибутами власти в руках; некоторые из них отделаны золотом, другие стоят на пьедесталах, или ими украшены панели больших шкафов. Сфинксы, фигуры с человеческими и соколиными головами, отдыхающие козлы и газели на специальных подставках или приделанные к крышкам сундуков. Я предполагаю, когда-то все эти предметы служили частью обстановки царского дворца и многие из них были расставлены в парадных покоях.

Кувшин и тазик на стойке (Эрман. Жизнь в Древнем Египте)

Главное место в спальне, разумеется, занимала кровать. Некоторые из дошедших до нас образцов весьма незатейливы: деревянная рама, внутри которой натянута плетеная сетка, установлена на четыре ножки в виде коровьих копыт или львиных лап. Три поистине великолепные кровати были найдены в гробнице Тутанхамона; если смотреть с боков, они имели форму какого-либо животного – коровы, пантеры или гиппопотама – с сильно вытянутым телом. Помимо кровати, в спальне стояли деревянные шкафы для белья и одежды. Туалетные при-

надлежности – зеркала, гребни, шпильки для волос и париков – хранили в разнообразных ларцах и шкатулках, а в сосудах из обсидиана и слоновой кости держали косметические средства, притирания и ароматичные мази. В комнатах, где жили хозяйские дети (в первую очередь девочки), обычно были музыкальные инструменты и сундуки с игрушками.

В комнатухах писцов имелись специальные шкафы для хранения всевозможных манускриптов, свертки пергамента и папируса и других материалов, необходимых для работы. Исписанный папирус, на котором не осталось свободного места, сворачивали, перевязывали и запечатывали. Когда таких свертков набиралось несколько штук, их связывали и клали в специальные кожаные футляры, которые хранили в шкафах. Столы писцам нужны не были: папирус либо раскладывали на коленях, либо, если писали стоя, держали в левой руке. Если писцу надо было выйти из дома, он складывал свои инструменты в сумку с плоским дном, сделанную из жесткого материала, к ней для удобства был прикреплен ремень.

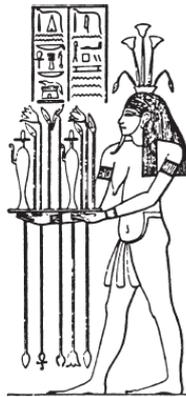
На кухнях пользовались столами с четырьмя ножками и толстенными керамическими мисками всевозможных форм и размеров. Печи делали из огнестойкой глины. Металлические жаровни на высоком основании, на которых, как мы видим на различных картинах, пекли гусей, по-моему, использовались только в храмах и никогда обычными поварами.

В беднейших домах, где целые семьи ютились на площади пятнадцать футов и меньше, под «обстановкой» могут подразумеваться разве что тростниковые циновки и два-три горшка. Подставка для горшков и несколько деревянных сундуков в таких домах воспринимались как роскошь.

Глава II ВРЕМЯ

1. Времена года

Египтяне воспринимали год не как период, за который солнце совершает кругооборот, а как отрезок времени, необходимый для получения урожая. Слово *реннет*, означающее год, изображалось в иероглифическом письме в виде молодого побега с бутонем; тот же знак, кстати сказать, присутствует и в других близких по смыслу словах: *ренти* (быть свежим, бодрым) и *реннут* (плоды года).

Хапи, бог Нила (*Эрман. Жизнь в Древнем Египте*)

Урожай в Египте полностью зависел от ежегодных разливов Нила. Каждый год в начале июня, когда великая река усыхает до размеров узкой речушки, египетские поселения изнывают от жажды. Пустыня угрожает поглотить долину. Для жителей Древнего Египта это был сезон всеобщего беспокойства, поскольку природа с ее щедрыми дарами вызывала у египтян чувство благодарности, смешанное со страхом... Это был страх особого рода: они боялись поранить бога во время добычи камня в каменоломнях или задушить его при засеивании поля зерном; они опасались раздавить бога, когда выпускали на засеянное поле скот, или обезглавить его во время жатвы. Едва ли кто-нибудь из них мог вспомнить, чтобы разлив – порой чересчур интенсивный, порой слишком слабый, но в любом случае воспринимавшийся как благословение для истощенной зноем земли, – не произошел в положенное ему время. Однако жители берегов Нила никогда не были до конца уверены, что и на этот раз река одарит их своей властью. «Слабый и сильный каждый год сообща взывают к тебе, моля дать им воду твою. Каждый муж выходит с орудием труда своего, и ни один не отстает от соседа. Никто не накидывает на себя одеяния. Дети могущественных не облачаются в пышное убранство, и звуки песен больше не слышатся в ночи». Нил, Хапи, вошел в число богов египетского пантеона довольно давно. Традиционно его изображали в виде тучного мужчины с женской грудью и жирным, в складках животом, перехваченным поясом. Ноги его были обуты в сандалии, что для египтян служило признаком богатства, голову венчала тиара из речных растений. Руками он либо разбрасывал символы жизни, либо держал поднос, заваленный рыбой, утками, букетами цветов и спелыми колосьями. Его имя носили несколько городов; иногда его называли Царем Богов. Одаривать его следовало не менее щедро, чем других богов пантеона. Величайшие почести воздавались ему Рамсесом III. Во время своего длительного правления в Оне и трехлетнего

царствования в Мемфисе он создавал или восстанавливал так называемые книги Хапи, представляющие собой бесконечный список съестных продуктов и сельскохозяйственных культур. Из всевозможных материалов – золота, серебра, меди, свинца, бирюзы, лазурита и фаянса – изготавливались тысячи миниатюрных фигурок Хапи, не говоря уж о печатях, подвесках и статуэтках его божественной спутницы Репит. Когда должен был начаться разлив, египтяне приносили все это в жертву великому богу во многих храмах, а книги Хапи, возможно вместе со статуэтками, бросали в священное озеро при храме Ра-Хораhti в Оне. Это озеро, как и район нильских порогов, называлось Кебеху. Та же церемония повторялась через два месяца, когда уровень воды достигал наивысшей отметки. Тогда уже вся долина между двумя пустынями превращалась в огромное озеро, в котором города и поселения становились большими и маленькими островами, а дорогами служили земляные насыпи, сооруженные по берегам реки. И вскоре вода, будто покоряясь, начинала отступать, чтобы через четыре месяца после начала разлива Нил снова вошел в свои берега. Этот четырехмесячный период назывался *ахет*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.